

культурном шефстве выражался и в том, что связи между городскими и сельскими коллективами все в большей степени приобретали характер содружества. Шефство носило не односторонний характер—шел процесс взаимодействия, взаимопомощи. Так, Брестский областной драматический театр имени ЛКСМБ в 1972 году заключил договор о творческом содружестве с колхозом «За мир» Брестского района. Режиссеры и артисты проводили в колхозе зрительские конференции, творческие встречи с участниками сельской художественной самодеятельности. Коллектив театра и колхозники проводили совместные производственно-творческие отчеты, на которых артисты рассказывали о работе театра, а колхозники—о своих трудовых успехах. Коллектив Витебского Белорусского государственного театра имени Я. Коласа заключил договор о содружестве с колхозом имени Кирова Витебского района, театр оперы и балета БССР—с колхозом имени Гастелло Минского района¹⁰. Договоры о содружестве обогащали связи городских и сельских коллективов новыми формами, способствовали подъему культурно-просветительной работы в деревне.

Вместе с тем нельзя согласиться с попытками некоторых авторов рассматривать шефство как всестороннюю взаимопомощь города и села, подменить само понятие «шефство» терминами «сотрудничество», «содружество»¹¹. Подобное утверждение опережает реальную действительность, размывает само понятие шефства. Практика оказания шефской помощи селу со стороны города преобладала и умножалась по мере развития социалистической экономики. Однако неправильно было бы рассматривать деревню только как объект воздействия города. Процесс внесения в сельскую жизнь городской культуры происходил не на пустом месте. Село и само несло культурные ценности в городскую среду (художественные промыслы, фольклорные коллективы, трудовые традиции и т. д.). Процесс развития единой социалистической культуры и есть процесс взаимосвязи и взаимовлияния культуры города и села.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 367.

² Крупенков Е. Я. Шефство города над деревней в Белорусской ССР (1959—1979 гг.).— Минск, 1980, с. 7.

³ Материалы XXIII съезда КПСС.— М., 1966, с. 90.

⁴ Архив БРК профсоюза работников культуры, д. 1118, л. 2.

⁵ Архив МК БССР, д. 404, л. 17, 68; Крупенков Е. Я. Шефство города над деревней... с. 143.

⁶ Архив Белсовпрофа, д. 196, л. 34.

⁷ Там же, л. 83; л. 218, л. 119.

⁸ Там же, д. 218, л. 9—11.

⁹ Государственный архив Минской области, ф. 2329, оп. 1, д. 185, л. 2.

¹⁰ Архив Белсовпрофа, д. 219, л. 46; д. 290, л. 219; Из опыта культурно-шефской работы на селе в свете решений XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 16.

¹¹ См.: Ибрагимов Р. И., Татарчук Л. И. Социальная сущность и назначение культурного шефства города над селом в социалистическом обществе.— В кн.: Социальные проблемы культуры современного села. М., 1976, вып. III, с. 252.

М. С. КОРЗУН

АФИНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ НИКИЕВА МИРА

Многие причины привели Спарту и Афины к заключению Никиева мира и созданию оборонительного союза: истощение военных ресурсов, соотношение сил борющихся сторон и внутренних группировок в каждом из этих полисов.

Цель данной статьи попытаться определить сторонников заключения мира и сторонников активизации военных действий в составе 17 членов афинского посольства по заключению мирного и союзного договоров со Спартой.

Задача выяснить политическую позицию каждого члена посольства, обойденного вниманием Фукидида, столь же трудна, сколь и привлекательна. Единственное упоминание Фукидидом некоторых послов восполняется наличием фигур, которые в своей политической деятельности преследовали противоположные цели. В одном ряду стоят Никий и Ламах, Гагنون (сын Никия) и Демосфен. Буржуазная историография считает Никия вождем «партии мира», а Ламаха—представителем «военной партии». Определение группировок по такому признаку облегчает выяснение их

позиции по внешнеполитическому вопросу, но ничего не говорит об их отношении к внутренней, социальной политике полиса. Это методологически неверный подход. Приверженность к рабовладельческой афинской демократии, ее внутренней политике или борьба против нее играли решающую роль в формировании социально-политических группировок граждан. Этим определялось отношение афинян к демократическим полисам или к олигархической Спарте. Даже крайние олигархи пошли на открытое предательство Афин, когда убедились в невозможности собственными силами подчинить себе демос.

Поскольку разнородность части состава комиссии очевидна, можно, следуя введенному Фукидидом методу обратного умозаключения, предполагать наличие в Афинах внутренней борьбы, в результате которой и появился список присягнувших мирному договору и союзу. Однако о политической позиции некоторых послов или вовсе ничего неизвестно, или имеются сведения, весьма скудные. Истмионик, Иолкий, Миртил упомянуты Фукидидом только один раз, и о них так же, как и о Прокле, ничего сказать нельзя¹. Г. Шэфер допускает возможность считать Прокла тем человеком аристократического происхождения, который был в 421/0 году до н. э. членом совета². Если время исполнения им этой должности указывает на преобладающее влияние сторонников мирного договора и союза со Спартой, то выборы ее случайных исполнителей по жребию не позволяют определить политическую позицию Прокла. Один раз упоминается у Фукидида и Тимократ. Пифодора трудно идентифицировать с известными в других источниках людьми под таким же именем. Если он сын Полизела, то его можно считать олигархом 411 года.

Фрасикл в 412 году был стратегом эскадры афинских кораблей в бою с кораблями пелопоннесцев и Алкивиада у берегов Малой Азии (VIII, 15, 17, 19). В том же году он выступал как проксен некоего Астея из Алеи, оказавшего, по-видимому, гостеприимство афинским послам на их пути в Спарту. Феаген, вероятно, — ученик Сократа и стратег 425/4 года (IV, 75, 2). Из-за болезни он не мог заниматься активной политической деятельностью, поэтому и позицию его невозможно определить.

Евфидем — стратег 418/7 и 414/3 годов и стратег сицилийской экспедиции, который вместе с Демосфеном и Менандром пытался пробиться из гавани, блокированной сиракузянами. Их деятельность объективно содействовала активной наступательной политике. Во всяком случае Демосфен как талантливый полководец вместе с Клеоном еще в 425 году осуществил захват Пилоса и спартанских гоплитов. Леонт, стратег 412/1 года, возглавлявший карательную экспедицию против отпавших Лесбоса и Митилены, был умеренным демократом³.

Приверженцем «партии мира», возглавляемой Никием, был Лахет, человек богатый, относительно поздно выступивший в общественной жизни Афин. Он был стратегом в 427 году. Результаты его экспедиции в Сицилии 426/25 годов вызвали недовольство радикальных демократов. Клеон обвинял Лахета в растрате общественных денег, однако он был оправдан. В битве при Делии Лахет участвовал как рядовой гоплит. Он внес предложение в экклесию о заключении годовичного перемирия (IV, 118, 11). Фукидид упоминает Лахета рядом с Никием как заключившего мирный договор (V, 43, 2).

Прорицатель Лампон был близким другом Перикла, следовательно, и сторонником его политики по отношению к Спарте. Его участие в афинской комиссии, вероятно, объясняется государственным значением религиозных предсказаний, обязательных при свершении актов подобного рода.

Гагنون, сын Никия и отец олигарха Ферамена, стратег, исполнявший свою должность одновременно с Периклом, внес предложение рассматривать дело Перикла в тройном составе суда, что придавало ему исключительное значение. В 413 году Гагنون стал членом олигархической коллегии пробулов, подготовившей олигархическое правление Четырехсот. Поэтому его и в 421 году предпочтительнее считать умеренным олигархом⁴.

Ламах изображен Аристофаном, по мнению К. Ф. Куманецкого, главным представителем «военной партии». Воинственный характер Ламаха подходил для смелой карикатуры лучше, чем характер Клеона. Это не просто авантюрист, но человек, живущий за счет войны. Жирные командировочные пожалования в виде трех драхм (заметим, что гоплит получал одну драхму — М. К.) получали юнцы, которые не хотели трудиться, а разъезжали с военными посольствами⁵. К. Ф. Куманецкий верно изложил мнение Аристофана о Ламахе. Надо, однако, отнестись к этому мнению

критически, поскольку сообщаемый Аристофаном факт о бедности афинянина, избираемого стратегом, содержит важнейшую информацию — влияние сословно-классового положения героев комедии, реальных исторических лиц, на их политическую позицию. Ламах предъяснял согражданам счет на небольшую сумму для покупки себе одежды и обуви всякий раз, когда его избирали стратегом (Плутарх, Никий, XV). Плутарх называет Ламаха человеком мужественным и справедливым, и что самое главное, более талантливым, чем Никий. Однако богатство позволяло Никию держать Ламаха в подчинении.

Аристофан говорит о презрении состоятельных граждан к беднякам. Оплата за службу в войсках не могла идти ни в какое сравнение с доходами, которые получали владельцы мастерских, изготовлявших вооружение и экипировку воинов. Заинтересованность в войне наживавшегося на ней владельца кожевенной мастерской Клеона, не подарившего народу даже подметки, и воина Ламаха в действительности имеют весьма отдаленное сходство. Клеон получает доходы, эксплуатируя рабов, а Ламах добывает жалование собственной кровью. Возможность обогатиться на войне у такого человека действительно смехотворна, у рядового воина, ополченца — тем более, хотя вызванная войной инфляция толкала греков идти на службу даже наемниками. Положение талантливого, но бедного и справедливого Ламаха показывает, что зависимость жизни неимущего гражданина от оплаты государственной службы заставляла его занимать пассивную позицию в политической жизни и никогда не могла поднять его до уровня выработки собственной политической программы. Ламаху приходилось считаться то с Алквивиадом, то с Никием.

На политическую позицию Никия оказывал влияние тип его хозяйства. Общераспространенной в историографии Пелопоннесской войны является точка зрения на землевладельцев и земледельцев как твердых противников войны. Хозяйство же Никия было разноотраслевым. Сопоставление данных Ксенофонта (О доходах IV, 14), Плутарха (Никий, 4), Аристофана (Всадники, 358, 362) и его схолиаста свидетельствует, что Никий владел (эектего) в Лаврионе рудниками, возможно, расположенными в недрах земли, которая была его собственностью. В этих рудниках работало неизвестное нам число рабов, помимо той тысячи, которую Никий сдавал в аренду (эксемистхосен) фракийцу Сосию. Сословно-классовая характеристика Никия и Ламаха показывает, что эти граждане находились на противоположных сторонах полисного коллектива. Ксенофонт причисляет Гиппоника и Филимонида к крупным рабовладельцам, подобным Никию. По-видимому, это тот самый Гиппоник, дочь которого с приданым в десять талантов стала женой Алквивиада. После рождения ребенка Алквивиад потребовал, чтобы Гиппоник уплатил ему еще десять талантов. Нас в данном случае интересуют баснословные для гражданина, относящегося к классу мелких производителей, суммы, которые, по мнению Плутарха, создавали их владельцу «большое влияние и огромную славу», основанную, по представлениям современников, отнюдь не на таких личных качествах, обладателем которых был Ламах. По словам Ксенофонта, в Лаврионе были и другие, не названные им по имени, рабовладельцы. Это позволяет говорить о группе граждан, связанных общностью интересов, обусловленных одинаковым типом хозяйства. Потеря рудников во время вторжения пелопоннессцев угрожала разорением не только Никию и ему подобным, но и землевладельцам. Вместе с тем добыча серебра объединяла Никия с торгово-ремесленными кругами, политические требования которых он не мог безоговорочно отвергать. Этим обусловлена одна из причин колебания Никия между проводимой им политикой мира со Спартой и участием в Сицилийской экспедиции в качестве одного из стратегов, хотя решающую роль для богатейших людей постоянно играла необходимость активного участия в политической жизни полиса, которая вызывалась всем комплексом существующих общественных отношений. Не случайно Никий содержал домашнего прорицателя, что само по себе находилось в противоречии с полисным коллективизмом. Он ежедневно приносил жертвы богам, чтобы прикрыть заботой о делах общественных свои частные интересы. Противоречия между общеполисной собственностью и частной отразились в сфере государственной идеологии, каковой в Афинах была религия. Предпочтение личных интересов полисным позднее позволило Ферамену заявить, что Никий и его сын Никерет «никогда и ни в чем не проявляли симпатий к демократии»⁶.

Однако считать всех ремесленников и торговцев сторонниками войны

было бы неверно, хотя Аристофан в комедии «Мир» и доказывает, что только одни земледельцы сумеют возвратить мир. Вместе с тем поэт противопоставляет мастера по изготовлению копий и продавца щитов, как представителей мастерских по производству вооружения, изготовителям орудий мирного труда:

Сидит там мастер оружейных дел
И рвет в печали волосы.
Мотыжник плюнул в морду оружейнику...
Ковач плугов, ты видишь, как доволен он?
Он строит кукиш мастеру копейному¹.

Дело скорее не в профессиональном различии их занятий, но в разорении, бедственном положении изготовителей орудий мирного труда, на которые их обрекла война. Не в лучшем положении и земледелец Тригей, не имеющий ни полушки, ни крошки хлеба, чтобы накормить своих дочерей. Откуда же разоренный ремесленник возьмет хлеб, если его нет у земледельца? Война нарушает и подвоз хлеба, которым полис должен быть обеспечивать как ремесленника, так и земледельца.

Состав социально-политических группировок полиса в основном зависел от имущественного положения, от сословно-классовой принадлежности граждан, отражавшейся в цензовой шкале Солона. Этот состав был разнороден, неустойчив и непостоянен под влиянием изменчивой военной ситуации. Все политические группировки были заинтересованы в том, чтобы иметь своих представителей на переговорах со Спартой и добиться выгодных для Афин, с их точки зрения, условий мира и союза. Поиски выхода из войны, ведущейся за гегемонию в Греции, идеальный проект которого представил Аристофан, искренне призывавший всю Элладу к миру, был нереален. На его пути непреодолимым препятствием стояла вся система рабства, которая не могла существовать без войн, как одного из источников пополнения рабочей силы.

¹ См.: Gomme A. W. A Historical comm. on Thucydides, v. I—III, 1945—1956, v. 19, 2.

² См.: Paylys—Wissowa—Kroll. Encyclopedie der Classischen Altertumswissenschaft, Bd. 24.—Stuttgart, 1925, Prokles. В дальнейшем выводы о других афинянах, присягнувших миру, основаны на статьях этой энциклопедии и данных Фукидида.

³ См.: Meyer Ed. Geschichte d. Altertums.—Stuttgart und Berlin, 1901, Bd. IV, S. 561; Busolt G. Griechische Geschichte, Bd. III. Teil 2, Gotha, 1904. S. 1412.

⁴ Анализ мнений о политическом кредо Гагнона см в кн.: Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444—425 гг. до нашей эры.—Минск, 1975.

⁵ См.: Kumaniecki C. F. Scripta minora.—Bratislava, 1967, s. 63.

⁶ Ксенофонт. Греческая история.—Л., 1935, т. II, 3, 39.

⁷ Аристофан. Мир. Комедии / Пер. Ф. А. Петровского и В. Н. Ярхо. В 2-х т.—М., 1954, т. 1, с. 545.

Л. Л. МИХАЙЛОВСКАЯ

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА В СВЕТЕ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В XIII—XIV веках немецкие рыцарские ордена—Тевтонский и Ливонский—активно осуществляли политику «натиска на Восток». Объектом их агрессии и колонизации стали славянские и литовские земли. Как отмечал К. Маркс, «...в первой половине XIV в. Тевтонский орден стал серьезной угрозой для Польши, Литвы и других стран Востока»¹. Владения его простирались от Вислы до Нарвы, преграждая Польше, Литве и Руси выход к Балтийскому морю. Борьба народов этих государств с крестоносцами продолжалась более двух веков. Несмотря на экономическую мощь и сильную военную организацию Тевтонский орден был разбит, чему в немалой степени способствовала уния Польши и Литвы, заключенная в Крево 15 августа 1385 года. Победа их объединенных военных сил под Грюнвальдом сорвала планы порабощения орденом народов Польши, Литвы и Руси. Отсюда—то внимание, которое уделено Грюнвальдскому сражению в исторических сочинениях феодальной эпохи.

Значительное количество фактических данных о Грюнвальдском сражении хранят немецкие хроники². Хотя в них отразилось враждебное отношение к славянским народам и события освещены крайне тенденциозно,